

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates

Оксфордский университет
University of Oxford

Золотая Орда в мировой истории

**THE GOLDEN HORDE
IN WORLD HISTORY**

Казань – 2016

УДК 93/94
ББК 63.3
3-80

Серия «*Tartaria Magna*»

Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии с Распоряжением
Кабинета Министров Республики Татарстан № 3005-р от 22.12.2015 г.

Шеф-редакторы: *Рафаэль Хакимов, Мари Фаверо*

Научный руководитель проекта: *Вадим Трепавлов*

Ответственные редакторы: *Ильнур Миргалеев, Роман Хаутала*

Координатор проекта: *Ильнур Миргалеев*

Редакционная коллегия:

Рафаэль Хакимов, доктор исторических наук, вице-президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ильнур Миргалеев, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация)

Мари Фаверо, Ph.D. (история) (Оксфорд, Великобритания)

Вадим Трепавлов, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Роман Хаутала, Ph.D. (история) (Оулу, Финляндия)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история) (Мадисон, США)

Иштван Вашари, Dr.Sci. (история), член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история) (Блумингтон, США)

Илья Зайцев, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Марк Крамаровский, доктор исторических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история) (Принстон, США)

Николай Крадин, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Дариуш Колодзейчик, Dr.Sci. (история) (Варшава, Польша)

Антон Горский, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 968 с. + 28 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-229-7

В монографии представлены материалы, связанные с историей Золотой Орды, показывающие ее место в мировой истории. В ней аккумулированы основные новейшие исследования ведущих ученых из научных центров России и зарубежья.

Книга может быть полезна исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей Золотой Орды.

В оформлении обложки использовано изображение «Батыр на коне» из бренда «Историко-культурное наследие Республики Татарстан».

ISBN 978-5-94981-229-7

УДК 93/94
ББК 63.3

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016

§ 7. Золотая Орда и Балканы (XIII–XIV века)³²

Александар Узелац

Монгольское вторжение.

Известия о приближающемся монгольском нашествии достигли Балканского региона уже в 1239 году. В то время большая группа куманов, бежавших от монголов, пересекла Дунай, предаваясь разбою на пути своего следования. Беженцы в конце концов обосновались в различных частях Балканского полуострова, но большинство их остановились в Болгарии. Несмотря на то, что прибытие куманов оказало позитивное влияние в ближайшие годы, их умиротворение представляло собой сложную задачу для государств юго-восточной Европы, находившихся во враждебных отношениях друг с другом. Единственная мера для организации сопротивления монголам была предпринята слишком поздно. Летом 1241 года умер Иван Асен II, великий болгарский правитель и наиболее влиятельный деятель в балканской политике; после чего между тремя взаимно враждующими империями – Болгарией, Никейской империей и Латинской империей Константинополя – было заключено двухлетнее перемирие [54, с. 950]. Однако больше ничего не было сделано для создания общего фронта против кочевнической военной машины во главе с Бату.

Еще до заключения перемирия Болгария испытала на себе силу монголов. Ранней весной 1241 года армия во главе с принцем Бучеком пересекла южную Молдавию и Валахию (последняя находилась в то время под болгарским политическим владычеством) и вторглась в южную Трансильванию [44, с. 45; 69, с. 103, 118; 112, с. 431]. Не случайно ряд западных синхронных источников констатируют монгольское нападение на Болгарию еще до их вторжения в Венгрию [56, с. 299; 101, с. 310; 110, с. 283]. Это было зловещее предвестие событий, которые произошли в следующем году, когда другая армия во главе с принцем Каданом, сыном великого хана Угэдэя, пустилась в погоню за венгерским королем Белой IV и основательно опустошила Балканы от побережья Далмации до окрестностей Константинополя.

В самом начале 1242 года монголы Кадана опустошили Славонию и Хорватию, что было описано двумя авторами, очевидцами событий – Рогерием из Варада и Фомой Сплитским [59, с. 288–291; 102, с. 584–585]. Недавние археологические исследования предоставляют более полную картину. В восточной Славонии были найдены следы фортификаций, возведенных для того, чтобы удержать монгольское наступление; в то время как временное прекращение использования местных кладбищ предполагает заметное уменьшение населения. На кладбище рядом с городом Копривница был найден погребальный сосуд, содержащий голову собаки и указывающий на присутствие монголов в регионе [105; 109]. После этого монголы спустились к побережью Адриатики, и Кадан сначала безуспешно атаковал крепость Клисса (совр. Клис) рядом со Спалато (Сплит). Только после этого он осадил Трау (Трогир), где Бела IV действительно нашел прибежище; но Кадан оказался неспособен атаковать этот город из-за его неприступной естественной защиты. Кадан и его воины опустошили Далмацию, но они столкнулись с серьезной проблемой – недостатком пастбищ для своих лошадей. В конце концов, в марте 1242 года они покинули свой лагерь рядом с Трау и ушли далее на юго-восток [59, с. 294–300; 108]. В течение следующего месяца монголы опустошили южную часть Боснии и обрушились на область Зета (современная Черногория), в то время – часть средневекового государства Сербии; где они разрушили ряд городов. Среди этих городов Фома Сплитский упоминает Каттаро (Котор), Суакиум (Свач) и Дривастум (Дри-

³² Перевод с английского Романа Хаутала.

васть) вблизи Скутари (Скадар) [59, с. 300–303]. Оттуда Кадан вторгся во внутренние районы Сербии, вероятно, следуя по так называемой «Зетской дороге» (*via de Zenta*), т.е. по дороге, идущей вдоль реки Дрим из Скутари в регион Косово и далее в Ниш, бывший в то время приграничным городом Болгарии [50, с. 19, 56].

Судя по скудной информации письменных источников и более содержательным сведениям археологических находок, многие крупные городские центры в северной Болгарии стали жертвой их нападения, включая Ловеч, Преслав и Силистру [3, с. 680–683; 4, с. 17–18; 5, с. 3–10; 35; 38; 104]. Вполне вероятно, что болгарская столица Тырново тоже оказалась в руках монголов. Примечательно, что персидский автор Рашид ад-Дин упоминает город «Киркин/Тирнин в стране влахов» среди городов, завоеванных монгольским военачальником [44, с. 45; 69, с. 104, 120; 112, с. 445]. Опустошение Болгарии не было заключительным достижением Кадана, поскольку и Латинская империя Константинополя подверглась его нападению. Согласно сведениям, сохранившимся в нескольких австрийских хрониках, франкский «король Константинополя» вместе с его рыцарями смог победить монгольских агрессоров при первом столкновении, но во втором сражении они понесли поражение [67, с. 85; 74, с. 131–132; 117, с. 70]. На Западе распространились слухи о смерти Латинского императора Балдуина II [74, с. 132–133]; в то время как сирийский хронист Григорий Абу-л-Фарадж зафиксировал разные слухи о том, что франки смогли разбить монголов, пытавшихся захватить Константинополь, и заставили их отступить [64, с. 398]. В действительности некоторые историки полагают, что, аналогично монгольскому вторжению в Венгрию, военные действия Кадана против Сербии, Болгарии и Латинской империи не были направлены на непосредственное завоевание, а были вызваны тем, что бежавшие от монголов куманы нашли прибежище во всех этих балканских странах [4, с. 17; 50, с. 42; 82, в действительности 65].

Формирование татарской сферы влияния.

Как правило, считается, что в 1242 году Болгария была вынуждена признать монгольское владычество вследствие опустошения, причиненного военными силами Кадана. Наиболее раннее упоминание ее зависимого статуса сохранилось в письме венгерского короля 1247 года [106; 118, с. 231]; в то время как Иоанн де Плано Карпини и братья-минориты, пересекшие понтийские степи двумя годами ранее, однозначно опускали упоминание болгар среди народов, подчиненных монголам [75, с. 289–291, 305; 79, с. 22–23; 107, с. 135]. Поэтому более вероятным представляется, что Болгария была включена в сферу влияния Джучидов между 1245 и 1247 годами, одновременно с расширением их власти на княжества Западной Руси [36, с. 89; 50, с. 73–74]. В 1255 году Гийом де Рубрук, другой знаменитый францисканский путешественник, детально описал пределы монгольских владений в Причерноморье. Согласно его отчету, Болгария не только выплачивала ординарную дань, но и была подвержена попеременным экстраординарным поборам, взимаемым в виде металлической продукции. Болгарские посланцы посещали Бату и Сартака, чтобы привезти им ежегодную дань и дары, и, согласно Гийому де Рубрук, император Михаил Асен (1246–1255) был крайне подавлен служением татарам [107, с. 167–168, 209, 331].

Роль улуса Бату как главного политического фактора в Юго-Восточной Европе была признана еще до путешествия Гийома де Рубрук на Восток. В 1249 или 1250 году, под воздействием успешной торговой инициативы итальянских купцов в Северном Причерноморье, в Константинополе было принято решение послать к татарам посольство во главе с имперским аристократом, Балдуином де Эно [100; 115]. Гийом де Рубрук свидетельствовал, что Балдуин вел переговоры с Сартаком, сыном Бату, и посетил Монголию [107, с. 201, 268]. Следствием его миссии было установление дипломатических отношений между Латинской империей и Джучидами. Следует отметить, что Гийом де Рубрук вез с собой рекомендацию, подписанную латинским императором, которая, по всей ви-

димости, послужила ему в качестве охранной грамоты во время передвижения через джучидские территории, из Крыма до бассейна Волги [107, с. 188, 190–191].

Несмотря на попытку франков заключить альянс с монголами, Балканы почти полностью оставались за пределами джучидских интересов во время правления Бату и Сартака. Эти условия радикально изменились в правление Берке в связи с событиями экуменического значения – Никейским завоеванием Константинополя в 1261 году и началом войны между Джучидами и ильханами, приведшей, соответственно, к созданию союза между Золотой Ордой и Мамлюками.

Первым наладить контакт между Никеей и монголами попытался император Иоанн III Ватац (1222–1254). Он отправил посольство в Каракорум, где его посланники встретились с Гийомом де Рубрук в 1254 году [89, с. 180–185; 107, с. 247, 255–256]. Его наследник и возродитель Византии, Михаил VIII Палеолог (1258–1282), осознал выгоды от заключения альянса с ответвлением Чингизидов в Персии, и около 1260 года обратился к Хулагу с предложением союза. Как ни странно, Хулагу одобрил предложение императора, и его военные силы уладили банды туркмен, водворив крайне необходимое спокойствие на восточных границах Никее [72, с. 184–187; 89, с. 24–25]. После завоевания Константинополя Михаил VIII также наладил контакты с мамлюкским султаном Бейбарсом и с Берке [15, с. 44–46; 47, с. 57; 72, с. 236–237]. Вероятно, вследствие этой дипломатической деятельности в том же году в Сарае была основана православная епархия [52]. Существовала особая причина, из-за которой византийское предложение было благосклонно принято в Сарае и Каире. Свободный проезд эмиссаров, товаров и рабов, пополнявших ряды мамлюкских войск, через Константинополь и Босфорский и Геллеспонтский проливы имел первоочередное значение для сторон, вовлеченных в дипломатическую деятельность. Этот факт был должным образом отмечен византийскими авторами Георгием Пахимером и Никифором Григорой [10, с. 75–77; 72, с. 236–237; 95, с. 101–102].

Энергичной дипломатической деятельности Михаила, включавшей попытку найти одновременную поддержку у трех сил, не суждено было продлиться долго. Когда в 1262 году началась война между Хулагуидами с одной стороны, и Джучидами и Мамлюками с другой, он был вынужден сделать выбор. Михаил сделал выбор в пользу монголов Хулагу, которые были ближе всего к византийским границам. Он арестовал претендента на сельджукский трон, Изз ад-Дина Кайкавуса, который считался противником монгольских интересов в Анатолии [47, с. 203; 72, с. 180–187; 95, с. 81–83; 117, с. 73–74]; и, вероятно, под давлением эмиссаров Хулагу, присутствовавших в Константинополе, он решил задержать представителей Бейбарса, направлявшихся на север в 1263 году [15, с. 49–52; 47, с. 59–61, 99–100, 189–190; 89, с. 192–193]. Султан представил официальный протест [47, с. 62, 126, 432–433; 89, с. 193], не разубедивший, однако, Михаила, который пошел настолько далеко, что предложил свою внебрачную дочь Марию в жены Хулагу.

Но планы императора находились под более зловещей угрозой, связанной с арестованным сельджукским принцем Изз ад-Дином. Несмотря на то, что принц находился в заключении, он смог связаться либо с одним из своих двоюродных братьев, проживавшим в Северном Причерноморье, как пишет Пахимер, либо с болгарским императором Константином Тихом (1257–1277), как утверждает менее надежный отчет Григоры, чтобы попросить помощи у татар для своего освобождения [72, с. 300–301; 95, с. 100; 117, с. 74]. Берке был заинтересован в освобождении Изз ад-Дина, но еще более он был заинтересован в возобновлении сообщения с Египтом. Болгарский правитель, бывший его вассалом, также выказывал недовольство по отношению к Михаилу VIII, давшему ему в жены свою племянницу в 1263 году, но воздержавшемуся от предоставления обещанного приданого – черноморских портов Анхиало (совр. Поморие) и Месемврии (Несебыр), бывших причиной раздора между двумя государствами в течение длительного времени [7, с. 510–511; 72, с. 276–279; 95, с. 99].

Рис. 1. Изображение хана Джанибека на Каталонском атласе (ок. 1375 г.)

Текст справа: «... l'imperi comença en la provincia de Burgaria et fineix en la ciutat de Organcio. Lo senyor es apelat Iambech senyor del Sarra» / «... эта империя начинается в провинции Болгария и завершается в городе Ургенч. Ее владыку зовут Ямбех. [Он] владыка Сарая».

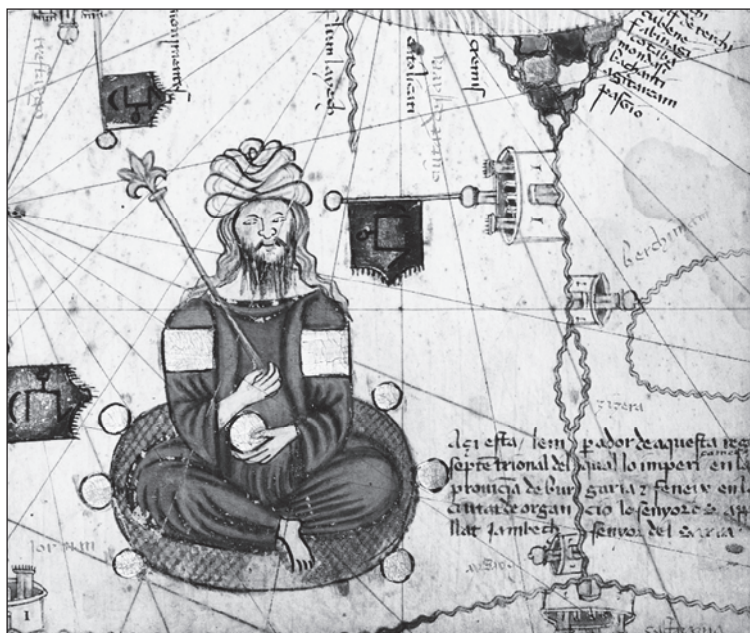

Рис. 2. Костяные украшения для колчанов, найденные на холме Трапезица, Велико-Тырново [42, с. 54]. Фотография Деяна Рабовянова

Совместные болгаро-татарские военные действия против Византии были предприняты зимой 1264–65 года. Официальным главой кампании выступал Константин Тих, но вспомогательный татарский отряд во главе с Кутлуг-Маликом, военачальником Берке [24, с. 33–34], сыграл в ней очень важную роль. Как раз во время вражеской атаки Михаил VIII возвращался из Фессалии со своим сельджукским пленником. Ему удалось найти убежище внутри стен Константинополя, тогда как его свита заперлась внутри крепости Аинос (совр. Энез) на побережье Эгейского моря. Осажденные болгарами и татарами, защитники крепости в конце концов согласились выдать Изз ад-Дина, после чего было заключено перемирие. Агрессоры удалились, но татары основательно разграбили сельскую местность на обратном пути [28, с. 6–10; 72, с. 302–311; 95, с. 100–101; 117, с. 75–77]. Вследствие этого Михаил VIII не только потерял своего ценного заложника, но также был вынужден открыть проливы для проезда представителей Джучидов и Мамлюков. Согласно мамлюкским источникам, он даже согласился посылать Берке ежегодную дань шелком [15, с. 53–54; 47, с. 191; 89, с. 196]. Однако он не в полной мере отказался от ориентации на сближение с ильханами, и в 1265 году его дочь Мария, узнав о смерти Хулагу, вышла замуж за его сына и наследника Абагу [45, с. 65; 72, с. 234–235].

Колебания во внешней политике византийского правительства вызвали другое военное вмешательство в 1271 или 1272 году. Пахимер указывает на еще одну причину этой кампании: согласно его утверждению, татар позвал Андроник Тарханиот, византийский ренегат, восставший против Михаила VIII и объединивший свои силы с другим противником Палеолога – севастократором Иоанном Фессалийским. Татары, под вероятным главенством Ногая, двоюродного брата хана Менгу-Тимура, снова основательно разорили Фракию. Их второе нападение было настолько жестоким, что, согласно Пахимеру, «рассказать о нем можно было бы только в отдельной книге, написанной не буквами, а слезами» [40, с. 162–163; 50, с. 136–138; 72, с. 418–419]. По словам самого императора Михаила VIII, содержащимся в его короткой автобиографии, неблагодарные болгары в этот раз снова предоставили татарам свободный проход и оказали им поддержку в нападении [36, с. 98; 77, с. 457; 92, с. 296]. Судя по обстоятельствам, сопутствовавшим их двум кампаниям против Византии, можно сделать заключение, что болгаро-татарские отношения заметно улучшились по сравнению с предыдущим десятилетием.

Византийско-татарский альянс

Татарское давление с севера в совокупности с враждебностью болгар стало предметом растущего беспокойства императора Михаила VIII. Вскоре после второго нападения, в 1273 или 1274 году, он решил нейтрализовать угрозу, предложив Ногаю альянс и руку другой своей незаконной дочери, Ефросинии. Пахимер живо описывает подробности переговоров между византийскими представителями и татарским предводителем. Когда византийцы принесли в дар среди прочих подарков ценную калиптру, то Ногай, будучи родом из другой культурной среды, спросил с иронией: «хороша ли она тем, что предохраняет от головной боли, или тем, что рассеянные по ней жемчужины могут предохранить их носителя от грозы и молний!?!». Но несмотря на его якобы презрительное отношение, Ногай завершил переговоры согласием принять руку принцессы и предложение альянса [33, с. 124; 72, с. 442–447; 92, с. 300].

Вследствие соглашения между Михаилом VIII и Ногаем, вероятно, улучшились и отношения между Византией и ханом Менгу-Тимуром. В течение 70-х годов XIII столетия контакты между Поволжьем и Константинополем осуществлялись под непосредственным руководством епископа Сарая Феогноста. Он неоднократно посещал византийскую столицу для разрешения как церковных, так и политических вопросов. Об этих вопросах не сохранилось детальных сведений; однако насколько сложными они были, можно судить по тому факту, что Феогност привозил письма хана и киевского

митрополита константинопольскому патриарху и императору [40, с. 164–165; 41, с. 336–337; 89, с. 206–207].

Проигравшей стороной в этой большой политической игре оказалась Болгарская империя. Фактически она оказалась отрезана от центральной власти Золотой Орды и ее протектората. Непосредственным следствием соглашения было исчезновение болгарского политического присутствия в дельте Дуная и внедрения там совместного правления Византии и татар в середине 70-х годов XIII века. Центром византийской власти в этом регионе стал город Вичина, где около 1280 года была учреждена резиденция митрополита, тогда как Ногай взял под свой контроль город Сакчи, расположенный недалеко от современной Тулчи, в месте наиболее удобной переправы через устье Дуная [2, с. 29–31; 86, с. 188–189, 193; 99, с. 36–37]. В последующие годы Сакчи стал неофициальной столицей Ногай, где чеканились многочисленные серии монет с его именем, как и с именем его сына Джеки. Эти нумизматические находки с инскрипциями на греческом и арабском языках были найдены в различных населенных пунктах дельты Дуная и бассейна Днестра, как и в Болгарии [88; 96; 97].

В середине 70-х годов XIII века татары Ногай стали совершать набеги на северо-восточную Болгарию. Яркое свидетельство их жестокости сохранилось в надписи, найденной в крепости Шумен: «азь Георги погледа долоу и горѣ и рекохъ Боже на има твое избави ньи от wt татаръ» [97, с. 131]. Константин Тих не был способен остановить захватчиков, вследствие чего его власть ослабла, и он потерял уважение среди своих подданных. Наконец, в 1277 году в Болгарии вспыхнуло восстание во главе с неким Кордокубасом, видимо, куманского происхождения, которого византийские источники также называют по имени Лаханас (т.е. «ботвинник», *Λαχανάς*, от греч. *λάχανα*, «лиственные овощи», подчеркивая, что он был простолюдином) [72, с. 548–549; 90, с. 251; 95, с. 131]. Его часто сопоставляют с загадочным «императором Ивайло», упоминаемым в 1279 году синхронным фрагментарным примечанием в так называемом Сврлигском евангелистари (тем не менее, существует большая вероятность того, что Ивайло был не кем иным, как византийским претендентом на трон Тырново, т.е. Иоанном Асеном III, о котором более подробно говорится ниже) [11; 14, с. 65–66; 46, с. 12]. Сначала лидер повстанцев предпринял военные действия против татар и нанес поражение некоторым из их мародерствующих отрядов, что подтолкнуло многих людей объединиться под его знаменами. Став достаточно сильным, он обратился против императора Тырново. Повстанцы разбили Константина Тиха рядом с болгарской столицей и убили его, «как ритуальное животное» [72, с. 550–553]. С этого момента Болгария подверглась трехлетнему периоду анархии и гражданской войны, в которой татары сыграли одну из ключевых ролей.

Узнав о смерти болгарского правителя, Михаил VIII решил использовать благоприятную возможность для того, чтобы выдвинуть на пустующий болгарский трон своего кандидата – византийского ставленника Иоанна Асена III, внука одноименного болгарского правителя [6, с. 249]. Мария, вдова Константина Тиха, приняла решение встретить его притязания неожиданным ходом: она открыла Кордокубасу ворота Тырново и предложила ему жениться на ней. Тогда Михаил VIII обратился за помощью к Ногаю, и татары ворвались в Болгарию. Повстанческая армия направилась со своим лидером на север, чтобы остановить вторжение, но оказалась осажденной в дунайской крепости Силистра объединенной греко-татарской армией во главе с молодым и одаренным генералом Михаилом Тарханиотом Глабасом. Тем временем, меньшее подразделение, состоявшее из византийских полков и татарской кавалерии, внезапно обрушилось на Тырново и захватило болгарскую столицу в 1278 году. Татарский военачальник Чавуш-бакши был наделен Михаилом VIII почетным титулом протостратора в благодарность за его заслуги в войне [72, с. 588–591; 93, с. 261; 119, с. 264–266]. Это был

единственный случай официального включения представителя татарской элиты в верховную иерархию византийского двора.

Захват Тырново не означал окончания войны, поскольку Кордокубас смог бежать из Силистры и собрать своих последователей. Осознавая, что татары представляли главную военную силу, он попытался, добившись в конце концов успеха, переманить их и их военачальника на свою сторону. В 1279 году объединенные силы болгар и татар столкнулись с наспех собранными византийскими войсками и одержали две значительных победы – рядом с крепостью Диавена (совр. Девина) в области Сливен и на склонах Средна-Горы. Отчаявшийся Иоанн Асен III решил оставить Тырново, и в начале 1280 года короной завладел новый император: это был выдающийся представитель местной аристократии – Георгий I Тертер, «весьма уважаемый и почитаемый болгарами», несмотря на свое куманское происхождение [72, с. 566–567].

Избрание Тертера не было неожиданным поворотом событий, принимая во внимание то, что для основной части болгарской политической элиты ни кандидатура повстанцев, ни марионетка Византии не представляли собой приемлемого выбора. Но для Кордокубаса это был очень сильный удар. Вдохновленный успехом предыдущего взаимодействия с локальной татарской армией, он решил просить помощи непосредственно у Ногая. Оказалось, что в это же самое время Михаил VIII послал своего ставленника к своему татарскому союзнику. Как сообщает Пахимер, Ногай гостеприимно встретил обоих претендентов на болгарский трон, но вскоре ему стали надоедать козни, которые они строили друг против друга. Наконец, во время пира он внезапно приказал казнить Кордокубаса и вероломного военачальника Чавуша-бакши. Согласно описанию византийского автора, он собирался убить и Иоанна Асена III, но в итоге сохранил ему жизнь по просьбе своей греческой жены, Ефросинии [33, с. 124; 36, с. 104–105; 72, с. 588–591]. Однако более вероятно, что сценарий трагедии был целиком подготовлен заблаговременно, и что Ногай поступил в соответствии с желанием своего тестя Михаила VIII.

Один факт остается несомненным – несмотря на провал болгарской авантюры, доверие к Ногаю осталось непоколебимым, и в Константинополе его продолжали считать наиболее надежным союзником. Не прошло много времени, как к нему опять обратились за помощью. В 1282 году Михаил VIII принял решение разрешить вопрос о не признававшем его легитимность греческом государстве Фессалии и подчинить его независимо и энергичного правителя Иоанна Ангела. С этой целью он попросил Ногая послать ему на помощь его воинов. Осенью того же года четыре тысячи татарских всадников прибыли, вероятно, через территорию Болгарии. Михаил VIII встретил их на Галлипольском полуострове, где он собрал армию для предстоящей кампании и выразил желание возглавить их на пути к славной победе. Однако император был болен, и 11 декабря умер, так и не начав кампанию. Его смерть была трагической потерей как для греков, так и для татар, которые в равной степени оплакивали его кончину [72, с. 658–667; 95, с. 149–154].

Сын и наследник Михаила, Андроник II (1282–1328), отложил исполнение грандиозного плана отца, но не мог распустить татарские войска. Вместо этого он решил использовать их в импровизированной кампании против союзника Фессалии – сербского короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321), захватившего осенью 1282 года северную Македонию. Татары были подчинены командованию Михаила Глабаса. В начале 1283 года татары, усиленные византийскими пограничными подразделениями, быстро опустошили вражеские территории и, не встречая какого-либо сопротивления, проникли далее на север, вплоть до региона Косово. Однако сербы организовали оборону на берегах реки Дрим. Часть татарских сил потерпела сокрушительное поражение при попытке форсировать реку, разлившуюся от весенних паводков. Их командующий, упоминаемый в сербских источниках под именем «Чрноглав» (что, вероятно, не является ничем другим, как славянским переводом тюркского имени «Карабаш»), был взят

в плен и обезглавлен [1, с. 110–112; 51, с. 102–103; 117, с. 102]. Битва на Дриме ознаменовала окончание неудачной кампании, а вскоре распался и византийский альянс с Ногаем, который Михаил VIII пытался столь заботливо поддерживать в течение предыдущих десятилетий.

Под тенью Ногая.

Параллельно с ростом своего влияния в Золотой Орде и возобновившейся татарской экспансией, направленной против Венгрии, Ногай более не довольствовался ролью защитника византийских интересов на Балканах. Внезапное изменение в византийско-татарских отношениях стало очевидным, когда осенью 1285 года татарская армия, предположительно насчитывавшая десять тысяч воинов, пересекла Болгарию и стремительно ворвалась в северную Фракию. Убертопулос, византийский стратег Месемврии, отважно столкнулся с агрессорами и нанес им поражение [73, с. 92–93]; но последствия этого нападения было трудно оставить без внимания. Византийские владения были опустошены, и многие пленники попали в руки татар [110, с. 298–301; 114, с. 625]. Церковные источники сообщают, что митрополит Вичины добрался в 1285 году до Константинополя благодаря божественному провидению, что, вероятно, являлось отражением татарской угрозы [5, с. 13–14; 94, с. 37–38]. Двумя годами позже этот порт, несомненно, был в руках Ногая, и синхронный францисканский отчет упоминает некоего татарского чиновника по имени Аргун в качестве правителя Вичины [63, с. 58–59, 119; 76, с. 444–445].

Болгария вышла из гражданской войны с новым правителем и династией, но оказалась ослабленной политически и экономически. Георгий I Тертер (1280–1292) вынужден был восстанавливать централизованную власть с нуля. Он столкнулся с серьезной оппозицией региональных властителей: Смильца – повелителя южного региона Средна-Горы и Шишмана – правителя северо-западной Болгарии с центром в Видине. Шишман, бывший, как и Тертер, болгарским аристократом куманского происхождения, признал протекторат Ногая с самого начала своего правления, в середине 80-х годов XIII столетия [27, с. 47–48; 50, с. 117; 58, с. 39–40]. Георгий I Тертер был вынужден последовать его примеру. В 1284 году он заключил союз с сербским королем Милутином [6, с. 257–258; 26, с. 334–335], но после татарского набега на Фракию в следующем году также признал господство Ногая и выдал свою дочь замуж за сына Ногая, Джеку [73, с. 290–291].

Таким образом, в течение правления Георгия I Тертера болгарские земли, фактически распавшиеся на три отдельные политические образования, снова оказались в сфере татарского влияния; однако историки были слишком часто склонны высказывать резкие суждения о характере болгаро-татарских отношений. Брак между Джекой и дочерью Тертера был несомненным признаком зависимого положения империи Тырново. Но в то же время он предполагал, что болгарский правитель пользовался благосклонностью Ногая. Кроме того, убеждение в том, что Георгий I был вынужден послать к Ногаю в качестве заложника своего сына, Феодора Светослава, является совершенно необоснованным, несмотря на то, что оно существует и по сегодняшний день [50, с. 199–202]. Как раз наоборот, Феодор Светослав находился в татарских землях в конце XIII века как политический беженец, где он женился на дворянке по имени Ефросиния, чьей крестной матерью была ее тезка, жена Ногая [34; 70; 73, с. 290–291]. Согласно Рукн ад-Дину Бейбарсу, жена болгарского принца приходилась родственницей Ногаю и Джеке [47, с. 117]. Принимая во внимание, что Ефросиния происходила из широкого круга родни Ногая, не подлежит сомнению, что болгарский принц пользовался поддержкой могущественного татарского предводителя, несмотря на то, что его отец потерял ее именно в это же время.

Внешнеполитическая ориентация Георгия I Тертера и поддержка сербов и татар, на которую он доверительно полагался, были возможными и уместными только тогда, когда все вовлеченные стороны объединяла вражда с Византией. Однако в начале пос-

ледного десятилетия XIII века произошли важные изменения, связанные с тем, что два болгарских союзника – татары и сербы – оказались вовлеченными во взаимный конфликт. В конце 80-х годов XIII столетия старший брат Милутина, Стефан Драгутин, управлявший в качестве венгерского вассала территориями к югу от реки Сава, начал войну против независимых властителей региона Браничево (в совр. восточной Сербии), единоутробных братьев Дормана и Куделина, также бывших видными болгарскими аристократами куманского происхождения. Властители Браничево обратились за помощью к Ногаю, который позволил им набрать татарские войска в равнинах Валахии для борьбы за их дело, надеясь тем самым расширить свое влияние вглубь Балкан. Усиленные татарскими подразделениями, Дорман и Куделин завоевали владения Драгутина в 1290 году. Драгутин бежал под защиту своего младшего брата и попросил у него помощи для отвоевания потерянных территорий [1, с. 114–115; 25, с. 335; 116, с. 10–13]. К этому моменту Дорман и Куделин чрезмерно расширили свою власть, и Венгрия также вступила в открытую войну против них. Зимой 1291–92 года венгерские войска смогли нанести сокрушительное поражение татарским подразделениям из их армии на берегах реки Савы [60, с. 617–618; 61, с. 125; 82, с. 202–203]. В течение одного года Милутин и Драгутин объединили свои силы и завоевали Браничево. Дорман и Куделин были вынуждены бежать к Ногаю [1, с. 115–116; 116, с. 13–14].

Татарские интересы на Балканах были нарушены, но Ногай быстро отреагировал. Болгария представляла собой первичную задачу, чей правитель, Георгий I Тертер, находился в подчинении Ногая, но одновременно был верным союзником сербского короля. В 1292 году Ногай заставил болгарского правителя отказаться от трона, и, согласно его пожеланию, новым императором стал Смилец [28, с. 22–23; 50, с. 213–214; 73, с. 121–122, 292–293]. Тертер бежал в Византию, преследуемый татарскими войсками, и поэтому северная Фракия подверглась еще одному разорению [13, с. 97–100; 73, с. 290–293]. Для того, чтобы предотвратить новые татарские нападения, Андроник II должен был усилить оборону приграничной с Болгарией зоны и переселить местное влахское население в Малую Азию. Это была суровая, но вынужденная мера, поскольку существовали опасения, что влахи могли объединить свои силы с татарами [73, с. 120–123; 117, с. 87–88].

Следующей задачей Ногая было разобраться с сербами. В этот раз он сделал выбор в пользу косвенных действий. Ногай призвал принца Видина, Шишмана, своего подчиненного и союзника властителей Браничево, организовать кампанию против Милутина, предоставив, по словам сербского архиепископа Данило II, в его распоряжение «трижды проклятых татар». В 1293 году объединенная болгаро-татарская армия Шишмана проникла вглубь сербской территории, вплоть до области Хвосно в регионе Косово. Однако она потерпела поражение рядом с деревней Ждрело в Руговском ущелье. Сербские источники приписывали это поражение божественному вмешательству, но, несомненно, оно было следствием тщательной подготовки крепкой обороны или, может быть, даже засады, устроенной сербами [1, с. 117; 16, с. 57–58; 50, с. 215–217]. Милутин быстро воспользовался победой и в том же год напал на княжество Видина. Результатом этого нападения было полное поражение болгар. Сербские войска оккупировали земли своего противника, включая его столицу. Как и властители Браничево, Шишман был вынужден бежать на барке через Дунай. Победоносный сербский король был теперь в состоянии диктовать условия, но, согласно утверждению его биографа, Данило II, он выказал великодушие: было заключено перемирие и восстановлены довоенные границы. Для гарантии мира был устроен брак между Шишманом и сербской дворянкой [1, с. 118–119].

В действительности, подоплекой мягкой политики Милутина послужила другая причина – татарская угроза [18, с. 219–220; 116, с. 14]. Согласно архиепископу Данило II, после поражения Шишмана «беззаконный и нечестивый царь татарский по имени Ногей ... поднял все силы татарские, чтобы пойти на этого праведного короля». Услы-

шав об этом, Милутин решил отправить к Ногаю своих вестников с «приятными словами» и подарками, чтобы умиловить его гнев [1, с. 120–121; 25, с. 347]. Его делегация успешно убедила татарского предводителя приостановить нападение, но милость Ногая была достигнута дорогой ценой. Условия сербо-татарского соглашения, достигнутого в конце 1293 или в 1294 году, включали официальное признание со стороны Милутина господства Ногая и другое условие: старший сын короля, Стефан, был послан к Ногаю, чтобы «служить ему», и ему было позволено вернуться через три года [1, с. 121–122; 25, с. 336; 50, с. 219–221]. Подчинение Милутина ознаменовало собой окончание длительного конфликта в Дунайском регионе и кульминацию татарского влияния в Юго-Восточной Европе. Вся территория между Карпатскими склонами и Фракийской равниной находилась теперь под властью Ногая.

Кажется, что прежние противники стали в определенной степени взаимодействовать друг с другом во время последующих событий. А именно, после заключения соглашения с Ногаем сербы возобновили конфликт с Византией и одновременно с этим последовали татарские набеги на Фракию. Византийские источники упоминают одновременные сербское и татарское нападения на византийские владения, которые обычно датируются 1297 годом [28, с. 30–31; 73, с. 282–283; 90, с. 413–414]. Однако вскоре влияние Ногая на Балканах заметно ослабло вследствие войны, которая разгорелась между ним и его двоюродным братом, ханом Токтой. В конце 1299 или начале 1300 года Ногай был убит, и, причудливым оборотом судьбы, многие из его последователей вынуждены были бежать в Болгарию и соседние страны, которые татары подвергали частым нападениям в течение двух предыдущих десятилетий.

Татары на службе у Балканских государств.

В конце 1300 или начале 1301 года сын Ногая Джека принял решение покинуть причерноморские степи в сопровождении верной ему части некогда могущественной армии своего отца и отступил на юг от Дуная. С ним были его болгарская жена и ее брат Феодор Светослав со своей татарской супругой. Джека стал сотрудничать с болгарским принцем. Как утверждает Пахимер, Феодор Светослав «хотел подчинить болгар» и для этого нуждался в поддержке татар [73, с. 290–291; 117, с. 94]. После смерти в 1298 году ставленника Ногая, императора Смилеца [28, с. 41–44], Болгария оказалась лишена какого-либо эффективного централизованного управления, и, несмотря на то, что в распоряжении Джеки была лишь небольшая армия, этих сил оказались достаточно для восстановления порядка в стране. Таким образом, сын Ногая и Феодор Светослав взяли под свой контроль Тырново и восточную Болгарию, не встретив сопротивления.

Длительное время бытовало мнение, что после этого Джека провозгласил себя болгарским императором; но это мнение следует отвергнуть [30]. В действительности, он никогда не был венчан императорской короной и не домогался ее и не нуждался в ней. С формальной точки зрения Болгария была страной под его господством. Для Джеки Болгария была важна в первую очередь как база для реорганизации его сил и продолжения войны против Токты. Но если это и были его действительные планы, им не суждено было осуществиться. Согласно Пахимеру, Феодор Светослав внезапно арестовал своего шурина, заключил в темницу и, наконец, приказал придворным иудейским палачам убить его [73, с. 292–293]. Рукн ад-Дин Бейбарс прибавляет, что болгарский принц заточил Джеку по призыву его последователей, испытывавших страх перед Токтой [29; 47, с. 117]. В качестве свидетельства голова Джеки была послана после этого к хану в Крым [21, с. 111–112; 53, с. 176–177]. Таким образом Феодор Светослав добился поддержки Токты и мог свободно заниматься своими внутренними противниками. Среди них наиболее заметную роль играл болгарский патриарх Иоахим III, казненный под предлогом того, что он оказывал поддержку про-Ногаидской политической фракции в Болгарии [32; 73, с. 292–293].

Другим членом рода Ногая, нашедшим убежище в болгарских землях, был его внук и сын Джеки, Каракисек. Согласно Рукн ад-Дину Бейбарсу, в 1302 году Каракисек пришел в страну Шишмана вместе с двумя своими двоюродными братьями – Джерик-Тимуром и Йол-Кутлу – и в сопровождении трех тысяч всадников. Он и его люди были поселены там и служили в качестве наемников [31, с. 114–116; 47, с. 121; 65, с. 1101–1102]. Внук Ногая не выказывал намерений настаивать на прежних амбициях своего рода и не рассматривался угрозой для власти Токты, но Шишману не хотелось рисковать. Он также принял решение прийти к соглашению с Токтой и признать его господство. Зависимое положение княжества Видина, включая выплату регулярной дани, упоминается около 1310 года анонимным синхронным западным источником – так называемым «Описанием Восточной Европы» [50, с. 218; 58, с. 40].

Многие подданные Ногая и Джеки – татары, как и аланы с территории современной Молдавии, – также бежали в земли на юг от Дуная. Ко времени кончины Джеки, большая группа аланов, насчитывавшая от десяти до шестнадцати тысяч человек и в значительной степени состоявшая из женщин и детей, попросила у правительства Константинополя предоставить им убежище во Фракии [55, с. 214–215; 73, с. 336–353; 95, с. 204]. Аланы были радушно приняты и посланы в Малую Азию, где они приняли участие в неудачной войне против турок-османов. Позже они вступили в конфликт с другой группой наемников на службе у Византии – со знаменитой Каталонской компанией. В 1305 году уставшие и разочарованные аланы попали в засаду, устроенную им каталонцами во Фракии, рядом с крепостью Апрос, и потерпели от них сокрушительное поражение. Большая часть аланов была убита, но некоторым из них удалось бежать в Болгарию, где они были приняты Феодором Светославом [55, с. 215–218; 62, с. 61–62, 81–82]. Эти аланские иммигранты упоминаются снова в 1323 году во время болгаро-византийской войны. Аланские предводители, носившие татарские имена Итил и Тимур, приняли вместе со своими людьми участие в столкновениях рядом с городом Пловдив на болгарской стороне [80, с. 172–175; 117, с. 123–125]. Еще раз мы узнаем об аланах на службе у болгар примерно через четыре десятилетия. В 1365 году они упоминаются защищающими Видин от войск венгерского короля [31, с. 119; 113, с. 359–360].

Помимо аланов, были и другие беженцы из причерноморских степей, искавшие убежища в Византии после кончины Ногая. Некий Кучи-бакши, или Коджа-бакши, «главный чародей» Ногая (вероятно, буддист), также поступил на византийскую службу. Он был крещен и получил высокий пост в местной администрации Малой Азии, но в какой-то момент он впал в немилость и оказался заключенным в тюрьму. Однако ему удалось бежать и присоединиться к аланским отступникам. Его дальнейшая судьба остается неизвестной [73, с. 378–379, 602–603, 626–629; 91, с. 114–117; 119, с. 262]. В Болгарии была найдена печать меченосца Тагчи (Мечоноша Тагчи), приблизительно датированная концом XII – XIV веками. Вероятно, он был татаринном, имевшим видное положение на болгарской службе [17, с. 142; 49]. Анонимный продолжатель архиепископа Данило II пишет о группе татар и аланов, пришедших в Сербию в 1310 году и поступивших на службу к королю Милутину. Они приняли участие в войне, которая разгорелась в то время между Милутином и его братом Драгутином; и, согласно сербскому автору, они внесли решающий вклад в победу короля над своими противниками [1, с. 358–359; 117, с. 108–109]. В течение короткого времени они составляли элитное подразделение телохранителей Милутина, но в 1312 году были переданы Византии по прошению Андроника II [50, с. 253–255; 62, с. 83; 83, с. 232–233; 95, с. 262–263, 266–267]. Византийский император и историк Иоанн VI Кантакузин (1347–1354), называвший их «куманами», сообщает, что в 1320 году Милутин просил, чтобы их вернули, но безрезультатно, так как византийское правительство не желало лишать себя этой военной силы. В то время они пребывали во Фракии, но семью годами позже их переселили на эгейские острова Лемнос, Та-

сос и Митилена из-за опасений, что они могли бы присоединиться к татарам хана Узбека, ставшего серьезной угрозой для Византии [80, с. 35, 259].

Татарские иммигранты на Балканах принесли с собой некоторые аспекты военной технологии кочевников. В ходе археологических изысканий на холме Трапезица в Тырново и других раскопках в Болгарии было найдено девять характерных костяных украшений для колчанов, выказывающих очевидное влияние кочевников. Кроме того, составные луки, имеющие сходство с характерным татарским типом этого оружия, изображены на фресках XIV века, сохранившихся в нескольких монастырях Македонии [8, с. 72–77; 42]. Многие топонимы косвенно свидетельствуют о присутствии татарских поселений в сербских и болгарских землях, и некоторые из них, как поселок Ногаевци в долине реки Вардар, сохранились до сегодняшнего дня [50, с. 257].

Восстановление татарской «гегемонии».

Византия была первым из балканских государств, признавшим потенциального победителя в борьбе между Токтой и Ногаем. Уже в 1297 году Андроник II предложил в жены хану свою внебрачную дочь Марию – так же, как Ефросиния была предложена в жены Ногаю четвертью столетия ранее. Токта с радостью принял предложение, но невеста осталась в Константинополе на время ведения войны и прибыла в Сарай только после окончательной победы хана [73, с. 294–295; 89, с. 208–209; 117, с. 87–88]. Вероятно, Мария идентична Байалун, греческой жене хана Узбека, на которой он женился после смерти ее первого джучидского мужа, как сообщает арабский автор Ибн Дукмак [47, с. 323–324; 66, с. 265]. Знаменитый путешественник Ибн Баттута встретился с ней лично и сопровождал ее в путешествии в Константинополь в 1334 году [47, с. 294–295, 302].

Для поддержания дружественных отношений с Золотой Ордой Андроник II не считал зазорным периодически посылать Токте подарки. Синхронные западные путешественники рассматривали эти подарки в качестве дани [58, с. 7], что, вероятно, делал и сам хан. В Болгарии, Феодор Светослав, ставший императором в 1301 году, также признал господство Токты. Таким образом, Токте удалось восстановить политическое влияние Золотой Орды южнее Дуная почти на том же протяжении, что и при жизни Ногая (за исключением отдаленного Сербского королевства). Как отмечали арабские авторы, в начале XIV века все земли от Дербенда на Кавказе и Хорезма до Константинополя находились под властью Токты [47, с. 197, 206, 447].

О болгаро-татарских отношениях в течение правления Токты известно немного. Существует устоявшееся мнение, что в благодарность за убийство Джеки хан передал своему болгарскому вассалу порт Маврокастро (Белгород-Днестровский); но оно является необоснованным [19; 111, с. 123–124]. Однако несомненным фактом было то, что империя Тырново прочно придерживалась политической орбиты Золотой Орды в начале правления Узбека. Анонимный тосканский автор географического труда, написанного между 1313 и 1315 годами, сообщает, что Болгария повиновалась татарам [71, с. 176]. Другие западные источники усиливают это впечатление и предоставляют больше подробностей в отношении западной протяженности владений Золотой Орды. В одной своей булле 1318 года папа Иоанн XXII заявляет, что границы епархии Каффы в татарских землях простирались от Сарая до Варны в Болгарии [57, с. 549; 111, с. 124–125]. Пятью годами позже один францисканский документ со списком монастырей миноритов в «землях северных татар», включал в этот список конвенты в Маврокастро и Вичине [22]. На многих европейских картах и портоланах как Маврокастро, так и Вичина изображены с татарской тамгой на их флагах, и арабский географ ал-Омари ясно причислял Дунай к тем рекам, которые протекали через ханство кипчаков [47, с. 236–237].

В течение правления Узбека татарское присутствие на юге от Дуная заметно усилилось, и Византия снова стала их главным объектом нападения. В 1321 и 1322 годах имели место два набега татар. Нападающие не причинили большого ущерба, и их военные дей-

ствия ограничились окрестностями Адрианополя и болгаро-византийской границей [80, с. 188–189; 84, с. 281; 117, с. 123]. Однако это было зловещим предвестием тех бедствий, которые выпали на долю Византии в ближайшие годы. Новый татарский набег на Фракию, значительно превышавший масштабы предыдущих нападений, пришелся на осень 1323 года. Согласно Кантакузину, армия татар находилась под командованием двух военачальников по имени Тайтак и Тоглу-Торган и насчитывала целых 120 тысяч человек. Татары грабили сельскую местность в течение четырех дней. Молодой император Андроник III, внук Андроника II, напал на отдельные татарские отряды, но у него не было достаточно большой армии для открытого столкновения с захватчиками, которые отступили только после того, как собрали достаточно добычи [80, с. 189–193; 117, с. 126–128]. Флорентийский хронист Джованни Виллани утверждает, что татары произвели невиданное разорение и убили или увели в полон более 150 тысяч человек [68, с. 275; 84, с. 291]. Количество агрессоров, представленное Кантакузином, как и число уведенных в полон, отмеченное флорентийским хронистом, являются сильно преувеличенными; но жители Фракии, несомненно, испытывали страх перед будущими набегам, в чем смог убедиться Никифор Григора во время своего путешествия из Константинополя к сербскому двору пару лет спустя [83, с. 164; 95, с. 374–375].

Татарское вторжение, упомянутое выше, было вызвано болгаро-византийской враждой, и кажется бесспорным, что хан Узбек действовал в интересах недавно избранного болгарского императора, преемника Феодора Светослава. Михаил, сын Шишмана, был тем правителем, который смог объединить в 1323 году земли Тырново и Видина под властью одного монарха после их сосуществования, длившегося десятилетиями. Михаил рассчитывал на мощную поддержку татарских подразделений, располагавшихся к северу от Дуная, когда он вмешался в византийскую гражданскую войну между Андроником II и Андроником III в 1328 году [80, с. 294–297, 323–324; 95, с. 430–431; 117, с. 128–129]; как и в войне, которая разгорелась между Болгарией и Сербией в 1330 году. В решающей битве последнего конфликта, которая произошла рядом с городом Велбужд (современный Кюстендил в западной Болгарии), болгарские силы насчитывали около 15 тысяч человек, из которых три тысячи составляли «скифские», т.е. татарские войска [36, с. 121–122; 95, с. 455]. Сербские источники подтверждают присутствие в армии Михаила «соседних черных татар» [43, с. 84; 51, с. 108–109].

В битве при Велбужде болгарская армия была наголову разбита, оказавшись неспособной устоять под внезапной атакой сербской кавалерии, усиленной подразделениями каталонских наемников. Михаил Шишман погиб в ходе битвы, и Болгария оказалась оставленной после этого на милость сербам. Одна политическая группировка во главе со сводным братом Михаила, Белауром, рожденным в браке Шишмана с его сербской женой, была готова предложить императорскую корону Стефану; но король твердо отверг это предложение. Он довольствовался возведением на престол Ивана Стефана, сына Михаила от его первого брака, который также был наполовину сербом по материнской линии [1, с. 191–195]. Сербская мягкая политика по отношению к побежденному противнику была несомненно связана с тем фактом, что Болгария относилась к сфере влияния Золотой Орды. Описывая болгарское посольство, посетившее Каир в 1331 году, ал-Омари передавал отголосок этих событий, отмечая, что сербы и болгары враждовали друг с другом, но, тем не менее, «ухаживали за султаном Кипчацким вследствие его великой власти над ними и (опасения) взыскания за вражду их по случаю близости их от него» [20, с. 621, 627–630; 47, с. 235–236; 51, с. 109].

Сербский ставленник на болгарском троне недолго продержался у власти. Он был свергнут менее чем через год, и болгарская знать избрала Ивана Александра (1331–1370), сына сестры Михаила. Иван Александр без труда нашел взаимопонимание с сербами, но внутренняя оппозиция, сплотившаяся вокруг Белаура из Видина, оказалась гораздо менее

сговорчивой. Однако Иван Александр все так же имел очевидное преимущество, поскольку мог рассчитывать на татарскую поддержку. Белаур потерпел поражение [14, с. 69–72], в основном, благодаря военным действиям татар вокруг Видина осенью 1331 года. Эти действия были сжато описаны рагузским торговцем, бывшим очевидцем их набегов на северо-западную Болгарию [39, с. 51–52]. В следующем году Иван Александр смог беспрепятственно выступить против Византии, которая воспользовалась кризисом в Болгарии для того, чтобы добиться некоторых территориальных приобретений в приграничном регионе. В этой болгаро-византийской войне, исход которой решился в битве при Россокастро, в районе Бургаса, две тысячи татар приняли участие на стороне болгар, одержавших победу [7, с. 583–584; 80, с. 458–470; 95, с. 483–488].

В течение правления Андроника III отношения Золотой Орды и Византии сложились самым наихудшим образом. Ал-Омари отмечал, что византийский император чрезвычайно боялся «притеснения и злобы царя Кипчацкого» [47, с. 236]. Этот страх был оправдан, поскольку в 1337 году татары совершили яростное нападение на Фракию. Согласно Никифору Григоре, оно было вызвано тем, что Византия прекратила посылать регулярные дары татарским правителю и знати. Татары казались неукротимыми. Они опустошили весь регион до окрестностей Константинополя и захватили большое количество пленных жителей. Также они нанесли сокрушительное поражение и полностью уничтожили отряд османских мародеров, которые к тому времени стали регулярно проникать в Европу в поисках добычи [95, с. 535–536; 117, с. 132].

В 1341 году возник еще один серьезный кризис в византийско-татарских отношениях. Византийские власти необдуманно предоставили свободный проход через проливы своим турецким союзникам – корсарам Айдына, которые разграбили не только болгарские города на Черноморском побережье, но и порт Килию в дельте Дуная, находившуюся под контролем татар. Узбек обещал отомстить за это и, как утверждалось, объявил, что его целью войны было завоевание Константинополя. Дипломатическая миссия, обремененная ценными подарками, была послана в отчаянной попытке умиротворить гнев хана [87; 89, с. 217]. В том же году Узбек умер, и эта новость должна была быть воспринята в Константинополе с большой радостью. Небольшая татарская армия еще раз напала на Византию в 1342 году, но со скромным успехом, поскольку, как признает Кантакузин, татарам уже нечего было грабить [36, с. 124–125; 81, с. 303; 83, с. 170].

Между Золотой Ордой и Османами.

Последним татарским предводителем в дунайской дельте, наделенным властью центральным правительством Сарая, был Атламыш, муж сестры хана Джанибека. Он потерпел поражение от венгров в 1345 году, после чего был взят в плен и убит [9, с. 23–26; 66, с. 278–279]. Кажется маловероятным, что он пользовался каким-либо влиянием на Балканах. В ходе последовавшей эпохи «Великой замятни» Золотая Орда совершенно утратила политическое господство над Юго-Восточной Европой. Но несмотря на это, в течение второй половины XIV века независимые татарские группы на северной болгарской границе продолжали представлять собой внушительную силу, с которой нужно было считаться. Три татарских князя, которые были разбиты литовцами в битве на Синих Водах (1362), – Дмитрий, Хаджи-бей и Кутлубуга – сохранили свою независимость в регионе севернее Дуная. Согласно турецкому автору Нешри, писавшему в начале XVI века, двое из них – Янджи-бей (Хаджи-бей?) и Кутлубуга – получили от Османов предложение примкнуть к ним во время их кампании против империи Тырново в предпоследнем десятилетии XIV века [12, с. 80; 23, с. 93]. На основе нумизматических данных было выдвинуто предположение, что князь Кутлубуга выступал в качестве сюзерена краткосрочного Добруджанского деспотства или, по крайней мере, его северной части со столицей в Силистре. Если это предположение соответствует действительности, оно могло бы послужить правдоподобным объяснением нежеланию татар оказать помощь туркам [2, с. 199;

5, с. 23–27]. Другой османский автор, поэт Энвери, упоминает, что татары оказали помощь сербам во время знаменитой битвы на Косовом поле в 1389 году [13, с. 147; 78, с. 38]. Его замечания нужно принимать с осторожностью, но не следует исключать возможность того, что некоторые татарские подразделения действительно пришли на помощь к сербам через союзные страны Болгарии и Валахии [36, с. 128–129].

Татары Золотой Орды появились в последний раз на балканской сцене в самом конце XIV века, в тот момент, когда Османы уже крепко держали этот регион в своих руках. Спасаясь от волны разрушений, принесенной ордами Тамерлана, и последствий поражения, понесенного в битве на Тереке (1395), татары Актау (это, скорее, племенное наименование, а не личное имя) бежали на запад и обосновались в землях военачальника Хурмадая, который был независимым предводителем татар, вероятно, пребывавших в Пруто-Днестровском междуречье [48, с. 179]. Татары Актау не были довольны своей новой родиной и через короткое время приняли решение двинуться на юг от дунайской дельты. В 1399 году они пересекли Болгарию, наподобие шторма, и захватили Варну на Черноморском побережье, стерев тем самым последние следы независимого болгарского деспотства Добруджи [2, с. 199; 12, с. 80–83; 37, с. 111–112; 103, с. 60]. Затем они обрушились на Фракию, где получили приглашение поступить на службу к Османам. Вскоре между иммигрантами и местными властями возникли противоречия. С целью предотвращения их восстания османский султан Баязид (1389–1402) вероломно приказал казнить их предводителей. Лишившись своих предводителей, татары Актау подчинились и были окончательно поселены на территории Фракии и южной Болгарии [37, с. 113; 85, с. 93–94]. В конце концов, они потеряли свою идентичность и слились с мусульманским населением Румелийского эялета Османов.

1. Архиепископ Данило и други. Животи краљева и архиепископа српских, издао Ђ. Даничић. Загреб, 1866. 386. с.

2. Атанасов Г. Добруджанското деспотство (към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV в.). Велико Търново, 2009. 496 с.

3. Атанасов Г. Дръстърската митрополия през Второто Българско царство // Тангра – Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 659–683.

4. Атанасов Г. Етнодемографски и етнокултурни процеси по Добруджанско черноморие през средновековието // Исторически преглед. Вып. 2. София, 1996. С. 3–30.

5. Атанасов Г., Павлов П. Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв. // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология Евразийских Степей». Вып. 13. Казань, 2011. С. 3–32.

6. Божилев И. Фамилията на Асеновци (1186–1460), Генеалогия и просопография. София, 1994. 507 с.

7. Божилев И., Гюзелев В. История на Средновековна България. Том 1: VII–XIV века. София, 1999. 704 с.

8. Божиноски Г. Ръчно метателно оръжие от XIII и XIV век на територията на Република Македония. София, 2013. 222 с.

9. Вашари И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 22–30.

10. Вернадский Г.В. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 1. Praha, 1927. С. 73–84.

11. Господинов К. Свърлижката приписка като исторически извор. Исторически преглед. Вып. 3–4. София, 2005. С. 151–175.

12. Гюзелев В. Очерци върху историята на българския Североизток и Черноморието (краят на XII – началото на XV в.). София, 1995. 143 с.

13. Гюзелев В. Самият Търновград ще разтърби победите (Средновековни поети за България). София, 1981. 260 с.
14. Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Том 2: Книжовни и исторически паметници от Второто българско царство. София, 1944. 436 с.
15. Закиров С. Дипломатическите отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. 159 с.
16. Илиев Н. Шишмановият поход срещу Сърбия през 1292. г. // Исторически преглед. Вып. 11. София, 1988. С. 50–59.
17. Йорданов И. Корпус на печатите на средновековна България. София, 2001. 202 с.
18. Коларов Х. Българо-сръбски отношения при Тертеровци // България в света от древността до наши дни. Том 1. София, 1979. С. 213–221.
19. Кузев А. Владял ли е цар Тодор Светослав над Маврокастро? // Годишник на Софийския Университет – Научен Център за Славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Вып. 1. София, 1987. С. 101–106.
20. Кръстев К. Дипломатически отношения между Българското царство и Египет през XIV в. // *Bulgaria Mediaevalis*. Вып. 2. Пловдив, 2011. С. 619–630.
21. Кръстев К. Българското царство при династията на Тертеревци (1280–1323). Пловдив, 2011. 451 с.
22. Малышев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой орде в XIV в. // Археология восточно-европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2007. С. 183–189.
23. Мехмед Нешри. Огледало на света. История на османския двор / пер. М. Калицин. София, 1984. 420 с.
24. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 31–35.
25. Мишић С. Српско-бугарски односи на крају 13. века // Зборник радова Византолошког института. Вып. 46. Београд, 2009. С. 333–340.
26. Мошин В. Крал Милутин според неговата биографија од Данило II, неговото «Житие по свиток» и неговата автобиографија // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том 2. Скопје, 1977. С. 309–414.
27. Ников П. История на Видинското княжество до 1323. година // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Вып. 18. София, 1922. С. 1–124.
28. Ников П. Татаробългарски отношения през средните векове съ оглед към царуването на Смилеца // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Вып. 15–16. София, 1919–1920. С. 1–95.
29. Павлов П. Бележки към събитията в България и в средновековната столица Търново в края на XIII – началото на XIV в. // Търновска книжовна школа. Вып. 5. Велико Търново, 1994. С. 527–534.
30. Павлов П. Бил ли е татаринът Чака български цар? // Историческо бъдеще. Вып. 1–2. София, 1999. С. 71–75.
31. Павлов П. Монголотатари на българска военна служба в началото на XIV век // Военноисторически сборник. Вып. 2. София, 1987. С. 112–120.
32. Павлов П. Патриарх Йоаким III, татарският хан Чака и цар Теодор Светослав // Духовна култура. Вып. 6. Велико Търново, 1992. С. 27–33.
33. Павлов П. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270–1302 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. Велико Търново, 1995. С. 121–130.
34. Павлов П. Теодор Светослав, Ногай и търговецът Пандолеон // Историко-археологически изследвания в памет на проф. др. Станчо Ваклинов. Велико Търново, 1994. С. 177–185.
35. Павлов П., Атанасов Г. Преминаването на татарската армия през България (1241–1242 г.) // Военноисторически сборник. Вып. 1. София, 1994. С. 5–20.
36. Павлов П., Владимиров Г. Златната орда и българите. София, 2009. 176. с.

37. Павлов П., Тютюнджиев И. Българите и османското завоевание (края на XIII – средата на XV в.). Велико Търново, 1995. 151 с.
38. Пенчев В. Още две колективни монетни находки од XIII в., намерени при археологическите разкопки в Силистра и свързани с опожаряването на града от татарите през 1242 г. Минало. Вып. 1. София, 2005. С. 14–19.
39. Петров П. Нови данни за търговските връзки между България и Дубровник през XIV век // Известия на българското историческо дружество. Вып. 28. София, 1972. С. 45–53.
40. Порсин А. Политика Золотой Орды в Восточной и Южной Европе в 50-х – 70-х годах XIII века // Золотордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 155–166.
41. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 514 с.
42. Рабовянов Д. Средновековни костени апликации за колчан от хълма Трапезица, Велико Търново // Археология. Вып. 2. София, 2011. С. 53–72.
43. Радожич Н. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960. 176 с.
44. Рашид ад-Дин Фазлаллах. Сборник летописей. Т. 2 / пер. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. М.; Л., 1960. 253 с.
45. Рашид ад-Дин Фазлаллах. Сборник летописей. Т. 3 / пер. А.К. Арендса. М.; Л., 1946. 316 с.
46. Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Том I. Београд, 1902. 480 с.
47. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 588 с.
48. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Вольним. М.; Л., 1941. 306 с.
49. Тотев К. За датировката на златния пръстен-печат на мечоносеца Тагчи // «България, земя на блажени!» In *memoriam Professoris Iordani Andreevi*. Велико Търново, 2010. С. 450–458.
50. Узелац А. Под сенком пса. Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд, 2015. 321 с.
51. Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой Орде (первая половина XIV в.) // Золотоордынское обозрение. Вып. 1[3]. Казань, 2014. С. 101–118.
52. фон Шелиха В. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 83–90.
53. *Abulfedae Annales Muslemici Arabice et Latine* / ed. J. Reiske, T.V. Hafniae, 1794. 574 p.
54. *Albrici monachi Triumphontium Chronicon* / ed. P. Scheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum*. Vol. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 631–950.
55. *Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation*. Leiden, Boston, 2000. 461 p.
56. *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta* / ed. E. Pastorello // *Rerum Italicarum Scriptorum*. Nuova Edizione. Vol. XII/1. Bologna, 1938. cxi + 405 p.
57. *Annales minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum*, VI / ed. L. Waddingus. Romae, 1783. 622 p.
58. *Anonymi Descriptio Europae Orientalis: «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» anno MCCCVIII exarata* / Ed. O. Górka. Kraków, 1916. xlix + 70 p.
59. *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split* / edd. O. Perić et al. Budapest, New York, 2006. 404 p.
60. *Árpád-kori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. Т. XII / ed. G. Wenzel. Budapest, 1874. 737 p.
61. *Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke. Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica*. Vol. II/4 / edd. I. Szentpétery, I. Borsa. Budapest, 1987. 336 p.
62. *Bartusis M. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992. 438 p.

63. Brătianu Gh. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă*. Bucharest, 1935. 196 p.
64. Budge E.A.W. (ed. & trans.). *The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj 1225–1286, the son of Aaron, the Hebrew physician commonly known as Bar Hebraeus*. Vol. I. London, 1932. 582 p.
65. Ciocîltan V. *Hegemonia Hoardei de Aur la Dunărea de Jos (1301–1341)* // *Revista Istorică: Serie nouă*. No. 5/11–12. Bucureşti, 1994. P. 1099–1118.
66. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden, Boston, 2012. 344 p.
67. *Chronicon Claustroneuburgense* / ed. A. Rauch // *Scriptores Rerum Austriacarum*. Vol. I. Vindobonae, 1793. P. 1–126.
68. *Croniche di Giovanni, Matteo e Fillippo Villani* / ed. A. Rachelli. Trieste, 1857. 486 p.
69. Decei A. *L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions de selon la Djamiot Tevarikh de Fazl ol-lah Rashid od-Din* // *Revue Roumaine d'Histoire*. No. 12. Bucureşti, 1973. P. 101–121.
70. Failler A. *Euphrosyne l'épouse du tsar Théodore Svetoslav* // *Byzantinische Zeitschrift*. No. 78. Munich, 1985. P. 92–93.
71. Gautier Dalché P. *Une géographie provenant du milieu des marchands toscans (début du XIVe siècle)* // P. Gautier Dalché. *L'espace géographique au Moyen Âge*. Firenze, 2013. P. 171–179.
72. Georges Pachymeres. *Relations historiques*. Vol. 1–2: Livres I–VI / eds. A. Failler – V. Laurent. Paris, 1984. 667 p.
73. Georges Pachymeres. *Relations historiques*. Vol. 3–4: Livres VII–XIII / ed. A. Failler. Paris, 1999. 727 p.
74. Giebfried J. *The Mongol Invasions and the Aegean World* // *Mediterranean Historical Review*. No. 28/2. Tel Aviv, 2013. P. 129–139.
75. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli* / eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. 522 p.
76. Golubovich G. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano*. Vol. 2. Quaracchi, Firenze, 1913. 520 p.
77. Gregoire H. *Imperatoris Michaelis Paleologi de vita sua* // *Byzantion*. No. 29–30. Bruxelles, 1959–1960. P. 447–476.
78. Guboglu M., Mehmet M. *Cronici turcesti despre Tarile Romane*. Vol. 1: sec. XV – mijlocul sec. XVII. Bucuresti, 1966. 563 p.
79. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / ed. A. Önnersfors. Berlin, 1967. x + 44 p.
80. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, T. I* / ed. L. Schopen. Bonnae, 1828. xxxvi + 560 p.
81. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, T. II* / ed. L. Schopen. Bonnae, 1831. 615 p.
82. Jackson P. *The Mongols and the West (1221–1410)*. Harlow, 2005. 448 p.
83. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium 1204–1453*. Leiden, Boston, 2011. 254 p.
84. Laiou A. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II 1282–1328*. Cambridge, Mass., 1972. 400 p.
85. *Laonici Chalkocandylae Historiarum demonstrationes. T.1* / ed. E. Darkó. Budapestini, 1922. 206 p.
86. Laurent V. *La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue* // *Revue historique du Sud-Est européen*. No. 22. Bucarest, 1945. P. 184–198.
87. Laurent V. *L'assaut avorté de la Horde d'Or contre l'Empire Byzantin (Printemps-été 1341)* // *Revue des études byzantines*. No. 18. Paris, 1960. P. 145–162.
88. Lazarov L. *Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj* // *Bulgarian Historical Review*. No. 4. Sofia, 1997. P. 3–12.
89. Lippard B. *The Mongols and Byzantium 1243–1341* (Ph.D. Diss). Indiana Uni., 1984. 253 p.

90. Manuelis Philae Carmina ex codicibus Escorialensis, Florentinis, Parisinis et Vaticanis, T. II / ed. E. Miller. Paris, 1857. 496 p.
91. Maffry Talbot A.M. The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Washington DC, 1975. 467 p.
92. Margos A. Deux sources arméniennes du XIIIe siècle concernant certains événements historiques du Second Empire bulgare // *Études balkaniques*. Vol. 1, no. 2–3. Sofia, 1965. P. 295–300.
93. Moravesik Gy. Byzantinoturcica. T. II: Sprachreste Der Turkvolker in Den Byzantinischen Quellen. Leiden, 1983. xxv + 376 s.
94. Năsturel P. Les fastes episcopaux de la metropole de Vicina // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. No. 21. Berlin, 1976. P. 33–42.
95. Nicephori Gregorae Byzantina Historia, T. I / ed. L. Schopen. Bonnae, 1829. ci + 568 p.
96. Oberländer-Târnoveau E. Byzantino-tartarica; Le monnayage dans la zone des bouches du Danube à la fin du XIIIe et au commencement du XIVe siècle // *Il Mar Nero: Annali di archeologia e storia*. Vol. 2. Roma, 1996. P. 191–214.
97. Oberländer-Târnoveau E. Numismatical Contributions to the History of South-Eastern Europe at the end of the 13th Century // *Revue Roumaine d'Histoire*. No. 26. Bucarest, 1987. P. 245–258.
98. Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Altbulgarische Inschriften, T. II. Salzburg, 1997. 266 p.
99. Previale L. Un panegirico inedito per Michele VIII Paleologo // *Byzantinische Zeitschrift*. No. 42. Munich, 1943. P. 1–49.
100. Richard J. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: l'empire latin de Constantinople et les mongols // *Journal des Savants*. No. 1. Paris, 1992. P. 115–121.
101. Richeri Gesta Senoniensis Ecclesiae / ed. G. Waitz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*, T. XXV. Hannoverae, 1880. P. 249–345.
102. Rogerii Carmen Miserabile / ed. L. Juhász // *Scriptores Rerum Hungaricarum*. T. II. Budapest, 1938. P. 543–588.
103. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken. 3. Teil. Wien, 1979. 254 p.
104. Schreiner P. Die Tataren und Bulgarien. Bemerkungen zu einer Notiz im Vaticanus Reginensis gr. 18 // *Études balkaniques*. No. 21/4. Sofia, 1985. P. 25–29.
105. Sekelj Ivančan T. et al. Slučajni nalaz lubanje Canis Familiaris položene u srednjovjekovnu keramičku posudu s lokaliteta Torčec – Cirkvišće kraj Koprivnice // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. No. 15–16. Zagreb, 1999. S. 61–79.
106. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett 'tatár- levele // *Szazadok*. No. 121. Budapest, 1987. O. 583–612.
107. Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV / Ed. A. Van den Wyngaert. Quaracchi, Firenze, 1929. 637 p.
108. Soldo J. Provala Tatara u Hrvatsku // *Historijski zbornik*. No. 21–22. Zagreb, 1969. S. 371–388.
109. Sophoulis P. The Mongol invasion in the Lands of Croatia and Serbia // *Fragmenta Hellenoslavica*. No. 2, 2015 (in print).
110. Spinei V. Les Mongols dans Historia Ecclesiastica Nova de Tholomeus de Lucca // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. No. 18. Wiesbaden, 2011. P. 271–333.
111. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucharest, 1986. 276 p.
112. Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca, 2003. 546 p.
113. Thalloczy L. Oklevelek a magyar-bolgár összeköttetések történetéhez 1360–1369 // *Magyar Történelmi Tár*. No. 2. Budapest, 1898. P. 357–367.
114. Tholomeus von Lucca. Historia ecclesiastica nova: nebst Fortsetzungen bis 1329 / ed. O. Clavuot. Hannover, 2009. 784 p.
115. Uzelac A. Latin Empire of Constantinople, the Jochids and Crimea in the Mid-Thirteenth Century // *Золотоордынское обозрение*. №. 3. Казань, 2015. С. 62–76.

116. Uzelac A. *Tatars and Serbs at the End of the Thirteenth Century* // *Revista de Istorie Militară*. No. 5–6. București, 2011. P. 9–20.

117. Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005. 230 p.

118. *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. Vol. I / Ed. A. Theiner. Osnabrück, 1968. 837 p.

119. Zachariadou E. *Observations on Some Turcica of Pachymeres* // *Revue des études byzantines*. No. 36. Paris, 1978. P. 261–267.

§ 8. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии³³

Виктор Спиной

Монгольское нашествие 1241–1242 годов произвело особенно серьезное воздействие на Карпато-Дунайский регион, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав Золотоордынского государства более чем на столетие. Череда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях [93, с. 33–66; 48, с. 101–121; 54, с. 42–67, 79–132; 82, с. 64, 94–97; 100, II, с. 628–656; 91, с. 236–272; 34, с. 243–253]. Причем, монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям [103, с. 20–21; 107, с. 66–67, 74–76; 63, с. 63–64, 68–70; 47, с. 410–414; 30, с. 95–104; 112, с. 343–346]. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. Количество этих источников невелико, и их содержание довольно скудно в отношении предоставляемой информации; вследствие чего они только частично отражают демографические и политические реалии Нижнедунайских регионов, поднимая тем самым ряд вопросов. В определенный момент появилась иллюзия, что информативная составляющая этих источников уже была полностью исчерпана. Тем не менее, некоторые убедительные исследования, избежавшие влияния этой пессимистичной точки зрения, выявили те источники, которые либо не были проанализированы к тому времени, либо изучены лишь частично. В течение периода, последовавшего за Второй мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и, таким образом, существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований исчерпывающие изыскания в области истории валахов и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Когда монголы начали свою кампанию в Европе, Карпато-Дунайский регион переживал длительный переломный период, бывший следствием как того факта, что племена печенегов, узов и куманов поочередно поселились на равнинах к северу от Дуная – в Буджаке и Барагане, так и включения Трансильвании в состав Венгерского королевства в тот же период. Грабительские набеги кочевников и их стычки с соседними госу-

³³ Перевод с английского Романа Хаутала.